

ПРАВСТВЕННОСТЬ И ПРАВО

ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

Профессора Демидовскаго Юридич. Лицея,

В. Щеглова.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-Литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., собственный домъ.

1888.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Директоръ *С. Шилевскій.*

Самое серьезное наше бѣдствіе состоитъ въ той глубокой розни, которая существуетъ теперь между всѣми умами относительно всѣхъ основныхъ правилъ, твердость которыхъ есть первое условіе соціальнаго порядка.

Контъ

Легко проповѣдывать мораль, трудно установить ея принципы.

Шопенгауэръ

I.

Всякій, кто только ни вздумаетъ наблюдать жизнь современнаго европейскаго общества, невольно поражается однимъ замѣчательнымъ въ немъ явленіемъ, свойственнымъ въ особенности многочисленнымъ, большимъ городамъ Европы. Общественная жизнь принимаетъ здѣсь самыя разнообразныя формы, бьетъ всюду ключемъ и переливается самыми яркими, радужными красками. Вездѣ видишь самую энергичную и лихорадочную дѣятельность, и, какъ ея плоды, такую массу сокровищъ матеріальной культуры, что, кажется, самыя утонченныя и прихотливыя потребности могутъ быть удовлетворены при ихъ помощи. И это неисчислимое богатство все увеличивается по мѣрѣ того, какъ открываются въ области знанія новые способы пользоваться силами природы, заставляя ихъ служить нуждамъ человѣка. Но не одна только матеріальная сторона культуры современнаго общества вызываетъ удивленіе наблюдателя; его вниманіе привлекается и поразительными успѣхами знанія въ европейскомъ обществѣ, необычайнымъ развитіемъ въ немъ всѣхъ наукъ. Пытливый умъ человѣка неутомимо работаетъ надъ самыми разнообразными вопросами въ области міровыхъ явленій, постепенно раскрываетъ такія тайны въ жизни міра, которыя до сихъ поръ считались совершенно недоступными человѣческому пониманію. Съ каждымъ днемъ увеличивается знаніе человѣка о законахъ міро-

выхъ явленій, расширяется его умственный кругозоръ. Вмеѣстѣ съ тѣмъ, открывается и самый широкій просторъ для человѣческой дѣятельности, обеспечивающій всему обществу жизнь, полную всякаго рода наслажденій. Вся эта жизнь складывается въ такія блестящія формы, что, повидимому, всѣ и каждый должны бы чувствовать себя вполне счастливыми. А, однако, такое сознаніе счастья вовсе не распространено въ современномъ обществѣ. Напротивъ, вездѣ и всюду слышатся только одни безконечныя жалобы на пустоту и безцѣльность жизни. Никто ею не доволенъ; всѣ чувствуютъ какую-то безысходную тоску, отягощены безотраднымъ сознаніемъ, что скука ихъ жизни, отравляющая всѣ ея радости, не можетъ быть разсѣяна ничѣмъ и никѣмъ. Въ то время, когда современная цивилизація предлагаетъ человѣку всѣ способы для всесторонняго развитія всѣхъ силъ его природы и полного удовлетворенія его потребностей, самъ онъ предается унынію, теряетъ всякій интересъ къ своему дѣлу или же занимается имъ механически и часто тяготится самою жизнью. Каждый изъ насъ испытывалъ не разъ подобное состояніе духа, когда какой-нибудь особенный случай заставляетъ насъ оторваться отъ своихъ обычныхъ, житейскихъ занятій и остаться наединѣ съ самимъ собою. Въ такія тяжелыя жизненныя минуты невольно возникаетъ въ насъ вопросъ, къ чему приведутъ всѣ наши труды и зачѣмъ потрачено нами такъ много силъ, когда мы въ глубинѣ своей души не чувствуемъ себя счастливыми? Въ мучительномъ недоумѣніи, человѣкъ припоминаетъ всю свою прошлую жизнь, считаетъ ея итоги въ своемъ настоя-

щемъ и приходитъ къ неожиданному заключенію, что въ прошломъ онъ видѣлъ гораздо меньше радостей, чѣмъ печалей, и что у него ушло слишкомъ много силъ и жизненной энергіи на преслѣдованіе такихъ цѣлей, осуществленіе которыхъ не даетъ полного счастья. Неудивительно, что въ такомъ душевномъ состояніи каждый можетъ усомниться въ томъ, возможно ли для него счастье въ жизни, задаетъ себѣ роковой вопросъ, да стоитъ ли и жить, если впереди не предвидится ничего такого, что могло бы наполнить пустоту въ душѣ и придать смыслъ всей жизни? И какъ много и часто въ наше время гибнутъ люди, извѣрившіеся въ возможности жить при такихъ условіяхъ и потерявшіе всякую надежду на то, чтобы когда-либо увидѣть выполненными свои завѣщанныя и душевные стремленія. Цѣлые столбцы газетъ обыкновенно наполняются сухимъ перечнемъ ряда такихъ случаевъ, когда жизнь, подающая блестящія надежды, прерывается внезапно, утрачиваются безвозвратно лучшія силы общества. Но и того, кто не дошелъ до такого трагическаго конца, успѣлъ собрать въ себѣ интересъ къ жизни, постоянно гнететъ мысль, что желанное счастье — неосуществимая мечта, и что остается влечить свою жизнь, поневолѣ до неизбежнаго ея конца, забывшись во всевозможныхъ наслажденіяхъ. При всей скукѣ въ жизни современнаго общества, оно въ тоже время неистощимо на изобрѣтеніе всякихъ средствъ „убивать время“ и тѣмъ хотя на нѣкоторое время отогнать отъ себя всякія мучительныя думы объ иستیныхъ вѣщахъ своей жизни, которыя въ наше время, кажется, такъ трудно найти. Но и въ самыя веселыя минуты не всякому удается заглу-

шить въ себя требованія лучшей жизни. Войдите въ любое общество, гдѣ люди собрались для того, чтобы повеселиться; присмотритесь къ лицамъ, прислушайтесь къ бесѣдамъ участвующихъ и вы скоро убѣдитесь, что большинство, если только не всѣ, веселятся лишь наружно, испытывая скуку въ душѣ. И такъ происходитъ вездѣ, гдѣ только сходятся люди съ болѣе или менѣе развитыми духовными силами своей природы, люди, которымъ не чужды интересы общественные и общечеловѣческіе. Конечно, среди образованныхъ людей можно встрѣтить не мало и такихъ, которые успокоиваются, добившись обладанія какимъ-либо жизненнымъ благомъ (богатствомъ, славой и т. п.). Но и у такихъ людей выпадаютъ въ жизни, и часто даже въ лучшую ея пору, такія скорбныя минуты, когда перестаетъ привлекать все, чѣмъ они такъ интересуются въ жизни, и вся она представляется безсодержательною, пустою. Еще болѣе въ обществѣ такихъ людей, которымъ приходится заботиться лишь о добываніи средствъ къ жизни и напрягать для этого всѣ свои силы. Такіе люди мало имѣютъ времени задаваться вопросомъ о цѣли своей жизни, полной для нихъ непрерывнаго и тяжелаго труда. Но даже въ массѣ простаго люда теперь нерѣдко можно встрѣтить такихъ лицъ, которые также, недовольные своей жизнью, ищутъ выхода изъ своего положенія и иногда находятъ его въ своеобразномъ складѣ всего своего жизненнаго быта.

Что чувство недовольства жизнью, всѣми ея порядками — явленіе, общее всему европейскому обществу, это видно, между прочимъ, изъ того факта, что въ намъ об-

разовалось цѣлое научное міровоззрѣніе, въ которомъ этому чувству подысканы основанія и оно объявлено даже неизбѣжнымъ, присущимъ всему человѣчеству. Я разумѣю философскія, пессимистическія системы Шопенгауэра и Гартмана, въ которыхъ проповѣдуется необходимость систематическаго отвращенія и презрѣнія къ жизни во всѣхъ ея формахъ. „Жизнь человѣка, говоритъ Шопенгауэръ, подобно маятнику, качается взадъ и впередъ, между страданьемъ и скукой, которыя оба дѣйствительно составныя ея части. Какъ скоро нужда и страданія даютъ человѣку отдыхъ, скука тотчасъ подступаетъ такъ близко, что онъ неизбѣжно нуждается во времяпровожденіи, въ томъ, чтобы убить время, т. е. избѣжать скуки. Самое существенное въ жизни — страданіе неустранимо. Судьба людей въ цѣломъ — лишеніе, горе, плачь, мука, смерть“. Шопенгауэръ утверждаетъ, что вся человѣческая жизнь протекаетъ между хотѣніемъ и достиженіемъ извѣстныхъ желаній, что съ удовлетвореніемъ ихъ кончается наслажденіе, т. е., счастье, которое есть не болѣе, какъ кратковременное освобожденіе отъ страданій. „Жизнь, проводимая большинствомъ, продолжаетъ Шопенгауэръ, безсодержательна извнѣ и бессмысленна внутри. Это слабое стремленіе и мученіе, сонное шатаніе черезъ четыре возраста жизни, сопровождаемое рядомъ тривіальныхъ мыслей. Міръ людской есть царство случайностей и заблужденій, которыя немилосердно въ немъ хозяйничаютъ. Все лучшее пробивается въ немъ только съ трудомъ, благородное и мудрое весьма рѣдко доходитъ до проявленія и достигаетъ вліянія, но бессмысленное и превратное въ царствѣ

мысли, плоское и безвкусное въ царствѣ искусства, злое и коварное въ царствѣ дѣйствій собственно владѣютъ вполнѣ. Каждая исторія жизни есть исторія страданія, и никогда человѣкъ при концѣ своей жизни, если онъ благоразуменъ и въ тоже время чистосердеченъ, не захочетъ пережить ее еще разъ“. Чтобы избавиться отъ этой несносной и скучной жизни, каждому слѣдуетъ, по совѣту Шопенгауэра, отвернуться отъ наслажденій, отказаться отъ нихъ добровольно и искать успокоенія въ смерти. Поэтому каждый долженъ сдѣлаться аскетомъ, то есть, высказывать полное равнодушіе ко всѣмъ своимъ необходимымъ потребностямъ и даже подавлять ихъ постомъ, самобичеваніемъ и самоистязаніемъ. Когда, наконецъ, въ концѣ такой жизни приходитъ смерть, то она отрадна и пріемлется съ радостью ¹⁾. Въ такомъ мрачномъ видѣ представляетъ Шопенгауэръ всю человѣческую жизнь и такого рода безотрадный жизненный идеаль ставится имъ для современнаго европейскаго общества! Но къ такому же въ сущности безнадежному результату во взглядахъ на смыслъ жизни приходитъ и другой философъ—пессимистъ Гартманъ, въ глазахъ котораго ни здоровье, ни молодость, ни богатство, ни свобода, ни любовь не доставляютъ человѣку счастья. Также не даютъ ему прочнаго и долгаго наслажденія сожалѣніе, дружба, семейная жизнь, тщеславіе, честолюбіе, властолюбіе, религіозность, научныя и художественныя занятія, сонъ и сновидѣніе, нажива и удовлетвореніе раз-

¹⁾ Шопенгауэръ: „Миръ, какъ воля и представленіе“. Спб. 1881. стр.: 370 и слѣд. 418—19, 378—9, 382, 384—5, 451—5.

ныхъ злыхъ чувствъ — зависти, гнѣва, мести и др. „Результатъ индивидуальной жизни, заключаетъ Гартманъ, заключается въ томъ, что мы отъ всего отказываемся и убѣждаемся, что все, по выраженію Экклезіаста, есть суета, призрочно, ничтожно. Поэтому искать счастья въ жизни бессмысленно и невозможно и человѣкъ долженъ стремиться къ тому, чтобы покончить съ муками бытія ¹⁾. Недовольство всѣмъ складомъ современной общественной жизни, всѣми благами цивилизаціи выражается и въ послѣднихъ сочиненіяхъ графа Л. Н. Толстого, который не ожидаетъ, чтобы счастье людей было возможно при настоящихъ условіяхъ жизни или появилось и увеличилось съ дальнѣйшимъ развитіемъ европейской цивилизаціи. Разсматривая въ своей „Исповѣди“, чѣмъ живетъ современное человѣчество, Левъ Николаевичъ отвергаетъ, какъ безцѣльныя и бессмысленныя, различныя рѣшенія вопроса о смыслѣ жизни людьми изъ цивилизованныхъ круговъ общества и современной наукой и искусствомъ. Поэтому онъ видитъ весь идеалъ жизни въ удаленіи отъ искусственныхъ формъ настоящей общественной жизни, въ постоянномъ общеніи съ природой и въ простыхъ занятіяхъ селянина ²⁾. Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ взгляды гр. Толстого совпадаютъ съ мыслью Шопенгауэра и Гартмана, что высшую гармонію и лучшій образъ жизни можно найти только въ непосредственной,

¹⁾ Е. Hartmann: „Philosophie des Unbewussten“. Berlin. 1873, 665—714 s.

²⁾ Русская Мысль, 1884, 11 книга, статья Громеки: „Послѣднія произведенія гр. Л. Н. Толстого“.

безсознательной жизни низшихъ классовъ населенія, и что все зло въ жизни происходитъ отъ развитія сознательной дѣятельности въ людяхъ и, возникающихъ отсюда, усложненій всего жизненнаго строя и увеличенія разнообразія въ общественныхъ явленіяхъ, взаимныхъ сношеніяхъ людей ¹⁾ Особенное, преувеличенное значеніе разнаго рода внѣшнихъ, жизненныхъ благъ, какое они получили въ глазахъ современнаго поколѣнія, составляетъ причину большинства печальныхъ явленій въ современномъ обществѣ и по мнѣнію покойнаго Кавелина. „Жизнь, говоритъ онъ, изсякаетъ, цвѣтъ ея поблекъ, она не даетъ никакихъ радостей—вотъ что слышится во всей Европѣ повсюду, на разные лады и во всевозможныхъ варьяціяхъ. Уныніе и безсиліе овладѣли нами и жизнь опостылѣла. Все вокругъ людей дѣлается, очевидно, для ихъ блага, все болѣе и болѣе направляется къ удовлетворенію ихъ нуждъ, потребностей и желаній. Но посреди небывалыхъ богатствъ, матеріальныхъ и духовныхъ, тосклива и безотраднa, скучна и безцвѣтна становится жизнь современнаго человѣка. Сомнѣніе закрадывается въ его душу: къ чему всѣ эти блага, когда съ ними живетъ такъ тяжело, какая-то тоска наполняетъ грудь и не даетъ ими наслаждаться? Да и въ самомъ ли дѣлѣ они блага, когда не даютъ душевнаго удовлетворенія? Стоитъ ли жить, когда жизнь не радуется, а оставляетъ ничѣмъ ненаполненную пустоту? И люди тысячами спѣшатъ насильственно прекратить свою жизнь, и эти тысячи рас-

¹⁾ Красносельскій: „Пессимизмъ и прогрессъ“, Вѣстникъ Европы, 1885, 8 и 9 книги.

тутъ въ ужасающей, зловѣщей пропорціи, а живущіе при внутренней разорванности мало по малу впадаютъ въ равнодушіе и апатію“ ¹⁾. Кавелинъ видитъ въ этихъ, художественно изображенныхъ имъ, чертахъ современной общественной жизни вѣрные признаки упадка современной цивилизаціи, начало конца цѣлаго періода развитія человѣческаго рода и наступленіе новаго. „Расшатанность убѣжденій, хаотическое состояніе умовъ, оскудѣніе нравственной стороны въ ежедневной жизни и безсиліе теоріи поставятъ ее твердо и прочно указываютъ на потребность кореннаго переворота въ міровоззрѣніяхъ современныхъ людей“ ²⁾. Какъ доказательство близости и неизбежности такого переворота въ современной общественной жизни, Кавелинъ приводитъ тотъ фактъ, что въ настоящее время у насъ и въ Западной Европѣ стали неожиданно оживляться и усиливаться религіозныя стремленія и снова поставленъ на очередь, одно время почти заглохшій, вопросъ о нравственности. Исканіе же людьми точки опоры въ самомъ человѣкѣ, въ его внутреннемъ, духовномъ мірѣ во всѣ эпохи начиналось, замѣчаетъ Кавелинъ, въ то время, когда цѣлая культура достигнувъ своего апогея, склонялась къ упадку и разложенію ³⁾. Тѣже опасенія за цѣлость современной цивилизаціи раздѣляютъ и нѣкоторые другіе наши моралисты, напр., профессоръ Ярошъ и Ланге. „Обществу нашему, говоритъ первый, грозитъ окончательное, физи-

^{1—3)} Кавелинъ: „Задачи этики“. С.-Петербургъ. 1885, 100—104 и 42 стр. и Его-же: „Злобы дня“ (посмертная статья въ Русской Мысли въ 1888 г., 3 и 4 кн., въ послѣдней стр.: 116, 98 и 103).

ческое и нравственное разложене, если не наступятъ благопріятныя условія, могущія поставить развитіе культуры на болѣе твердую почву, подкрѣпить и успокоить духъ и тѣло и выдвинуть болѣе благородныя цѣли нашего бытія“ ¹⁾. Наконецъ, Ланге сравниваетъ наше время съ эпохой паденія римской имперіи и находятъ большее сходство съ нею въ тождествѣ нашихъ соціальныхъ вопросовъ съ подобными же вопросами того времени и общности всего нравственного склада обѣихъ эпохъ. Эта общность выражается въ „нервной впечатлительности и раздраженности, странно соединенной съ пресыщеніемъ и скептическимъ равнодушіемъ, и сильной потребности вѣры въ лучшія и болѣе справедливыя времена“ ²⁾.

Всѣ эти тревожныя ожиданія многими учеными скорого и неминуемаго паденія современной культуры, быть можетъ, преждевременны и неосновательны. Но всѣ ихъ опасенія и описанія нравственного состоянія современного общества несомнѣнно указываютъ на то, что, переживаемая нами, эпоха общественной жизни представляетъ собою и на самомъ дѣлѣ критическій, переходный періодъ европейской цивилизаціи, начавшійся съ конца прошлаго столѣтія. Въ то время въ Западной Европѣ пала феодалная система общественнаго устройства и началось преобразование его на принципахъ равенства и личной свободы. Съ тѣхъ поръ эти начала сдѣлались главнымъ фундаментомъ общественной жизни во всѣхъ

¹⁾ Ярошъ: „Вопросы современной морали“. Харьковъ. 1888, 78 стр.

²⁾ Н. Ланге „Исторія нравственныхъ идей XIX вѣка“. С.-Петербургъ. 1888, 1-я ч., 212—213 стр.

европейскихъ государствахъ, причемъ практическое ихъ примѣненіе стало постепенно въ зависимость отъ историческихъ условій жизни и мѣстныхъ особенностей соціального быта въ различныхъ государствахъ Европы. Конечно, при этомъ не обошлось и безъ ошибокъ, вредно отозвавшихся на общественномъ строѣ и объясняющихся неправильнымъ и часто превратнымъ взглядомъ на то, въ чемъ состоятъ равенство и свобода человѣческой личности и въ какомъ видѣ они могутъ сдѣлаться базами жизни общества. И до сихъ поръ еще не всегда можно встрѣтить вѣрное пониманіе отношенія этихъ понятій къ понятіямъ права и государства у различныхъ ученыхъ и практическихъ дѣятелей въ области юридической жизни общества. Но какъ бы то ни было, а мысль о личной или индивидуальной свободѣ вошла въ плоть и кровь новѣйшаго европейскаго общества, и съ этимъ фактомъ пришлось считаться и наукѣ, и практикѣ. Представленіе о томъ, что для удовлетворенія потребностей человѣка необходимо создать наиболѣе благоприятныя условія въ общественной жизни перешло изъ области теоріи, философско-юридическихъ трактатовъ ученыхъ въ сферу дѣйствительной жизни и сдѣлалось здѣсь постояннымъ мотивомъ въ дѣятельности представителей государственной власти. Съ точки зрѣнія взгляда на личную свободу человѣка, какъ краеугольный камень соціальной организациі, стали производиться и обсуживаться и всѣ въ ней реформы, вызываемыя измѣнившимися общественными потребностями. Но дѣйствительная жизнь общества, всегда возникающаго и развивающагося подъ вліяніемъ разнообразныхъ и особенныхъ исто-

рическихъ условій, давала себя знать при всякой такой попыткѣ преобразовать общество на основаніи представленій о личной свободѣ человека, разсѣявала всѣ иллюзіи и радужныя мечты и неопровержимо указывала на всю невозможность и безплодность усилій построить общественную жизнь помимо указаній опыта и потребностей данного времени. Въ этомъ-то контрастѣ представленій многихъ о личной свободѣ, и, иногда преувеличенныхъ и чрезмѣрныхъ, надеждъ на скорое и полное осуществленіе въ жизни идеала личной свободы съ дѣйствительнымъ состояніемъ общества, часто слишкомъ далекимъ отъ этого идеала, и заключается одна изъ главныхъ причинъ недовольства отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ классовъ современными соціальными порядками. Единственное и вѣрное средство противъ этого вида зла лежитъ въ преобразованіи общества на принципѣ свободы, личной и общественной, примѣненіе котораго должно обуславливаться всегда, назрѣвшими въ данный моментъ, потребностями общества и историческими особенностями всего его быта. Необходимость подобныхъ соціальныхъ реформъ, постепеннаго созданія внѣшнихъ, объективныхъ условій для всесторонняго удовлетворенія человѣческихъ потребностей давно уже признана современнымъ обществомъ и государствомъ. И то, и другое прекрасно понимаютъ, что въ современной организаціи общества находится много недостатковъ, требующихъ исправленія въ интересахъ всего общества, водворенія въ средѣ его довольства. Чтобы не ходить далеко, возьмемъ нашу текущую общественную жизнь. На какую сторону этой жизни вы не обратите свое вниманіе, вездѣ почти вы